
18+

Надежда Шапорова

Бухгалтерам здесь не место

«Автор»
2026

Шапорова Н. И.

Бухгалтерам здесь не место / Н. И. Шапорова — «Автор», 2026

Современная бухгалтерша перенеслась в тело средневековой ведьмы, которую ведут на костёр. Знание налогового кодекса великая сила, но инквизиция не желает принимать декларации вместо признания в колдовстве.Руководительница, привыкшая управлять людьми и принимать непростые решения, обнаруживает себя в теле Жанны дАрк. Вариантов выжить немного. И ни один не предусматривает совещания с подчинёнными.Деревенский колдун, стоя на пороге смерти, вынужден принимать непростое решение. Когда возможности перевоплощения ограничены, приходится соглашаться на то, что предлагают обстоятельства.Обычная хозяюшка очень старается приготовить вкусный борщ и входит в раж. Восемь человек умирает от отравления. Кулинарный талант? Вопрос спорный.И наконец, мать семейства, измученная мужем с бытовой инвалидностью, двумя детьми и котом с непростым характером, попадает в сказку. Казалось бы, вот оно, спасение! Но есть одна проблема.Пять историй в чёрном, как душа ведьмы, юморе.

© Шапорова Н. И., 2026
© Автор, 2026

Надежда Шапорова
Бухгалтерам здесь не место

БОРЩ

Глава 1

— Что у нас на ужин? — Глеб уселся за стол и подозрительно посмотрел на кастрюлю. — Опять борщ? Лидия, я сто раз тебе говорил, что ты не умеешь его готовить.

Лидия поставила перед капризником тарелку с выражением лица, будто только что вручила ему премию за двадцать семь лет счастливого брака.

Борщ получился красивый. По крайней мере, Лидии так казалось. Насыщенный, красный, густой. Сверху плавали капельки сметаны, зелень и особенно удачно нарезанная морковка. Лидия даже сфотографировала тарелку перед подачей. На всякий случай. Если муж похвалит — фотография останется на память. Если не похвалит — можно будет показать детям и спросить, действительно ли они считают, что их мать совершенно безнадёжна.

Глеб посмотрел на тарелку взглядом полицейского, который смотрит на подозрительный чемодан в аэропорту, оставленный без присмотра. Правда, чемодан хотя бы не пытается его накормить.

По кухне разливался тошнотворный аромат квашеной капусты и чего-то ещё, такого же неаппетитного. Запах был настолько убедительным, что, казалось, занервничало даже мусорное ведро.

— Я два часа стояла возле плиты, — упрекнула хозяюшка.

— Время приготовления не является доказательством наличия таланта, — возразил муж.

— Откуда тебе знать? Ты даже не притронулся!

— Я потом съем. Завтра.

Жена встала в дверях.

— Очень вкусно, милый. Ты попробуй.

Супруг попробовал.

Желудок возмущённо заурчал.

— Это он от радости. Хочешь добавки?

— Нет. Лидия, зачем ты меня мучаешь своим борщом?

— По-твоему, я не умею готовить?

— Умеешь, но так, будто хочешь отравить.

— Я же стараюсь, — тихо промолвила жена.

Это было правдой.

Дети выросли, жизнь стала спокойнее, появилось свободное время, которое надо было куда-то девать.

Так Лидия обнаружила в себе талант.

Точнее, ей очень хотелось его обнаружить.

Раньше она готовила просто: куриный суп, котлеты, макароны, картошку. Сыновья маленькие, работа, дом, школа, кружки, вечные уроки. Она вставала к плите без особого вдохновения. Лишь бы все были сыты и какое-то время никто не спрашивал, когда будет ужин, и не хлопал дверцей холодильника.

Семейное гнёздышко опустело, у Лидии появилось хобби.

Кулинария.

Это открытие произошло совершенно случайно. Сначала она испекла пирог. Потом приготовила домашнюю аджику. Потом решила, что способна сама квасить капусту. Капуста удалась. После этого Лидию было уже не остановить. Человек, который один раз успешно заквасил капусту, опасен. Ему начинает казаться, что он способен приготовить блюдо любой сложности.

Лидия купила красивый фартук и завела толстую тетрадь с рецептами. Начала смотреть кулинарные ролики. Теперь она знала разницу между «потушить», «припустить», «обжарить до золотистой корочки» и «довести до готовности».

Ей хотелось баловать мужа. Она даже чувствовала некоторую неловкость из-за прошлого.

А Глеб не ценил.

— Не надо меня баловать. Я человек простой. Мне достаточно макарон. Можно ещё жареной картошки.

— Я хочу готовить тебе вкусные блюда.

— А я хочу дожить до пенсии.

Лидия тогда обиделась, но от идеи не отказалась. Она докажет мужу, что он ошибается. Хотя даже её мать считала, что дочь не права.

— Ну не хочет мужик твои кулинарные изыски есть, зачем настаивать?

— Он просто ещё не распробовал, — Лида проверила степень готовности квашеной капусты.

На этот раз всё должно было получиться идеально.

— У вас что-то стухло? — осведомился отец. — Следить надо, дочь, выбрасывай вовремя испорченное, а то до беды недалеко. У твоей матери на кухне так не пахнет.

— Хотите, я дам вам с собой? — Лидия достала контейнеры.

— Нет, спасибо, — синхронно отказались родители.

Глеб молчал, жадно поедая заказанную пиццу.

— Детям завтра отнесу, — решила Лидия.

Сыновья жили отдельно и всегда благодарили маму за заботу. А борщ выливали в унитаз только после того, как она уходила.

— Завтра едете на природу? — сменил опасную тему отец.

— Ага. Палатки, рыбалка, шашлыки, — счастливо вздохнул Глеб.

— Не люблю я отдыхать толпой, — сообщила интровертная мать. — Всегда найдётся человек, который всем отдых испортит.

И почему-то посмотрела на дочь.

— Не, там мои друзья, они нормальные, — уверенно сказал Глеб.

Родители ушли. Глеб положил в сумку уголь и маринованное мясо. Ему всегда поручали готовить шашлык.

Он заранее выбирал мясо, проверял каждый кусок, сам нарезал лук, добавлял специи и мариновал всё с вечера. Пропорции и рецепт держал в голове и никому не сообщал. На вопросы отвечал загадочно:

— Тут главное — не переборщить.

И самое обидное заключалось в том, что шашлык у него действительно получался. Румяный, сочный, с поджаристой корочкой и запахом, от которого даже сытый человек начинал считать, что последнюю неделю голодал.

Они будут наслаждаться природой целых два дня. Палатки на берегу красивого озера. Костёр. Шашлыки. Гитара. Разговоры. В общем, идеальные условия для того, чтобы наконец доказать окружающим: Лидия не просто умеет готовить. Она — женщина, способная накормить людей так, чтобы они потом долго вспоминали этот день.

Она представляла, как завтра поставит на огонь большой казан. Как бросит мясо. Как добавит свёклу. Как запах борща разнесётся по лесу. Как друзья оживятся.

— Лидусь, чем это так вкусно пахнет?

А она скромно ответит:

— Да ничего особенного.

Потом все попробуют. Восторженно замолчат. И кто-нибудь обязательно скажет:

— Это божественно! Лидия, дай рецепт.

Дождавшись, когда супруг пойдёт спать, Лидия сунула в рюкзак банку с квашеной капустой, свёклу, морковку и лук. Почему бы не осчастливить всех фирменным борщом? Когда ещё случай представится?

Лидия заснула счастливой. Завтра ей предстояло накормить друзей. Друзья пока об этом не знали, поэтому тоже спали спокойно.

Глава 2

Супруги выехали рано утром. Глеб радовался как ребёнок.

Он вообще любил выезды на природу: свежий воздух, холодное пиво, неторопливые мужицкие разговоры, необыкновенно вкусный шашлык — дома и в ресторане совсем не то.

На природе Глеб молодел лет на двадцать.

Дома он был мужем, от которого требовали вынести мусор, не разбрасывать носки и иногда обратить внимание, что жена уже третий день рассказывает ему одну и ту же историю.

За городом он становился свободным человеком.

Доехали быстро — первого сентября трасса была практически пуста.

У приятелей существовало «своё» место на берегу небольшого озерца. Всю дорогу супруг переживал, что кто-то посторонний посмеет расположиться на «их» участке.

К счастью, опасения не подтвердились. На берегу озера уже стояли две машины. Они приехали последними.

Глеб недовольно скривился.

— Вот всегда ты собираешься целую вечность. Неужели нельзя заранее всё сложить?

— Но ты сам проспал, — вякнула жена. — И мы не последние, вон ещё подъехали.

— Блин, Кузьмины припёрлись, — присмотрелся муж.

Оказалось, что в последний момент к компании присоединилась ещё одна пара — Кузьмины, друзья друзей.

— Мы их сами толком не знаем, — шепнула одна из женщин Лидии. — Но ребята хорошие.

Лидия посмотрела на Кузьминых. Мужчина сноровисто открывал пиво. Кузьмина доставала из машины большую сумку с продуктами. На вид они действительно казались хорошими.

Мужчины быстро организовали мангал, достали сумки-холодильники и удочки. Через десять минут берег преобразился.

Женщины раскладывали хлеб, овощи, сыр, колбасу и зелень. Кто-то резал огурцы. Кто-то смешивал салат. Кто-то пытался найти нож.

Мужья сидели неподалёку и не лезли в женские дела.

Пора.

Лидия открыла багажник и достала большой казан.

— О, плов будет, — обрадовался один из приятелей. — Молодец, Лидуся, что догадалась казан взять. Я сам буду готовить, в молодости служил в Средней Азии, там и научился.

— Это для борща, — объяснила Лидия.

— Может, всё-таки плов? — быстро предложил Глеб.

— Так я для него ничего не взяла, потому что днём надо есть суп. Это полезно для здоровья. Желудок уже надо беречь, чай, не молоденькие. А вечером шашлык. Не стоит с него начинать, это очень тяжёлая пища.

Глеб медленно кивнул.

— А борщ у нас, значит, лёгкая?

— Легче не бывает, — довольно ответила Лидия, ставя казан на огонь.

— Я сама капусту квасила. Сейчас накормлю вас своим фирменным борщом, вы его никогда не забудете.

— Квашеная капуста? — усомнилась одна из женщин. — В борщ?

— Катюх, у каждой женщины свой рецепт, — осадил её муж. — А скоро будет готов? Салатиками не наешься.

— Тут нельзя торопиться. Он ещё настояться должен, — объяснила Лидия.

Кто-то включил музыку. Озеро тихо плескалось у берега. Мужчины проверяли удочки и обсуждали бензин.

Лидия открыла крышку. Над поляной поплыл запах.

Глеб перестал пить пиво.

— Лид... Может, капусты поменьше?

— Почему?

— Не знаю.

Он принюхался.

— Мне кажется, она слишком... активная.

— Это потому, что домашняя.

С ближайшей сосны сорвалась стая птиц и, громко хлопая крыльями, поднялась в воздух.

Лидия стояла возле казана и счастливо помешивала борщ.

— Скоро будет готово. Настоится немного — и можно наслаждаться.

— Странно, комары исчезли, — удивилась одна из женщин.

— Так это же здорово! Помните, как нас жрали в прошлый раз? — обрадовался мужчина.

Лидия разлила борщ по тарелкам.

Гости достали ложки.

На несколько секунд наступила тишина.

Лидия замерла.

Она ждала.

Сейчас должно было произойти главное. Кто-нибудь должен был сказать, что это божественно. Кто-нибудь попросит рецепт. Кто-нибудь посмотрит с уважением.

— Очень вкусно, — наконец сказала Кузьмина.

— Да, хороший борщ, — подтвердил супруг.

— Прямо настоящий домашний, — добавила ещё одна женщина.

Лидия расцвела. Вот оно. Наконец-то. Признание!

Она закончила есть одной из первых. На дне оставалось ещё немного.

— Никто не хочет добавки? — предложила хозяюшка.

— Уже не лезет, — несколько человек поспешно направились к кустам.

К ним присоединились другие.

Выливать было жалко. Ведь такой труд пропадёт.

А выбрасывать еду Лидия не любила. Особенно теперь, когда наконец научилась готовить. Она налила себе вторую тарелку.

Хорошо-то как!

Глава 3

Поляна опустела.

Лидия оглянулась. И только тогда заметила ещё одного человека. Незнакомая девушка стояла чуть поодаль, возле леса, и внимательно наблюдала за компанией.

На вид совсем молоденькая. Белая льняная рубаха до пят. Длинные распущенные волосы. Босые ноги.

— А это кто? — спросила Лидия.

Никто не ответил. Все разошлись по своим делам как-то слишком быстро.

Видимо, приехала с Кузьмиными. У Кузьминых вообще были странные друзья. Один мог часами рассказывать о пользе голодания, другой не признавал сахар, третий считал, что Wi-Fi разрушает ауру.

Так что босая девушка в лесу почти не удивляла.

— Хотите колбаски? — крикнула гостеприимная Лидия.

Девушка медленно покачала головой.

Лидия пожала плечами. Значит, особо упоротая веганша. Она знала, что некоторые из них не признают кожаную обувь. Эта пошла ещё дальше и отменила обувь вообще.

Наверняка сейчас начнёт рассказывать, что мясо — это плохо, корова — это личность, а человеку достаточно солнечного света и любви.

Лидия мысленно представила себе компанию таких людей. Все босые. Все в льняных рубахах. Ходят вокруг берёз, обнимают деревья, поют «Берёзоньку» и играют на балалайках. Почему-то именно балалайки особенно раздражали Лидию.

Она уже собиралась отвернуться, когда женщина вдруг тихо запела:

— Во поле берёзонька стояла...

Лидия застыла. Девушка продолжала петь. В наступившей тишине голос звучал почему-то жутко.

Лидия почувствовала, как холодеют руки.

ПОЧЕМУ СТАЛО ТАК ТИХО?

Из мира исчезли звуки. Не слышно голосов, смеха, потрескивания костра. Замолчала музыка. Пропали запахи леса — смолистый аромат сосен и прелой листвы.

Лидия слышала только собственное дыхание. И ещё — как бешено колотится сердце.

Куда все делись? Она не видела берег — его полностью скрыл надвигающийся туман.

Он приближался.

Неторопливо, будто хищник, который прекрасно знает, что жертва никуда от него не денется.

— Глеб? — закричала Лидия.

Собственный голос прозвучал чужим.

— ГЛЕБ!!!

Тишина.

Лидия достала телефон. Связи не было.

Мир словно отступил от неё на несколько шагов. Потом ещё на несколько. А потом исчез совсем. Осталась только она.

Солнце ещё не успело полностью сесть, но стало быстро темнеть. Туман вёл себя неправильно — будто живое существо. Ей показалось, что в его глубине мелькают размытые человеческие силуэты.

Хорошо, что хотя бы знакомая Кузьминых здесь.

Девушка быстро направлялась к лесу.

— Эй! — завизжала Лидия. — Вы куда? Подождите меня, пожалуйста!

Женщина шла всё так же неторопливо — к огромной берёзе, стоявшей отдельно. Рядом с ней не росло ни единого дерева.

Мелькнула белая рубаха.

— Подождите! Мне страшно!

Девушка не остановилась.

Лидия ускорила шаг.

Незнакомка подошла к берёзе и... исчезла.

Просто исчезла.

Лидия остановилась.

Она даже не закричала. Мозг иногда защищает человека от ужаса самым простым способом — временно отказывается понимать увиденное.

Девушки нигде не было.

Только берёза. Туман, от которого несло холодом.

И тишина.

— Мне показалось, — прошептала Лидия.

Она подошла к берёзе. Дерево, судя по мощному стволу, покрытому мхом, было старше остальных в лесу. Оно уже сбросило почти все листья.

Лидия машинально разгребла их ногой.

И увидела крест, почти полностью ушедший в землю.

Лидия ахнула — перед ней была могила.

Очень старая. Деревянный крест практически сгнил. Невозможно было разобрать надпись.

Она поспешно отступила, споткнулась обо что-то и рухнула на землю.

Это был камень с приколоченной табличкой — совсем свежей.

ЗДЕСЬ 1 СЕНТЯБРЯ ПОГИБЛО ВОСЕМЬ ЧЕЛОВЕК ОТРАВИЛИСЬ БОРЩОМ. ПОКОЙТЕСЬ С МИРОМ.

Глава 4

Мозг отказывался понимать прочитанное. Она попыталась подняться... и не смогла. Будто земля не отпускала свою добычу.

Туман неторопливо полз к ней.

И она услышала тихий плач, доносившийся из его глубины.

Скоро он накроет её с головой.

Последняя мысль, промелькнувшая в обезумевшем от ужаса мозгу, была о борще.

Глеб оказался прав.

Она совершенно не умеет готовить это блюдо!

— Во поле берёзонька стояла...

Лидия медленно обернулась.

Девушка находилась совсем рядом.

— Вы... — Лидия попыталась заговорить, но голос сорвался. — Вы кто?

Незнакомка слегка склонила голову.

— Лукерьей звали при жизни.

— Вы... с Кузьмиными? — просипела Лидия. — Приехали?

Та покачала головой.

— Тогда местная? Из деревни?

Лидия вдруг подумала, что деревня неподалёку заброшена давным-давно, и замолчала.

— Из деревни. Давно то было, — печально ответила странная девица.

— Господи...

— Не поминай Его всуе.

— Но почему ты здесь? — прошептала Лидия, уже предполагая, что ответ ей не понравится.

— На этой берёзе меня вздёрнули, — спокойно объяснила Лукерья. — Под ней и закопали.

— За что?

— Грех на мне великий. Убивица я. Потому и покоя не найти. И ты тоже обречена навеки здесь находиться. Не примет твою душу Господь.

Лидия оглянулась на камень.

— Я не хотела, — прошептала несчастная отравительница.

— Бог судит по делам, а не по хотениям, — наставительно молвила Лукерья.

Туман наконец добрался до Лидии.

Ей уже было всё равно.

Она не стала сопротивляться, и туман поглотил её всю. Какое-то время ещё видела силуэт девушки, затем исчез и он.

— Во поле берёзонька стояла... — голос постепенно стихал.

Лидия будто очутилась в вязком коконе. Но абсолютной тишины здесь не ощущалось — она слышала громкий плач.

Теперь он звучал совсем близко.

Лидия слышала его отчётливо — кто-то плакал прямо над ней. Тихо, захлёбываясь, с короткими всхлипами, которые становились всё громче.

Она резко распахнула глаза. Белый потолок. Лампочка. Запах лекарств.

Ровный писк какого-то прибора. Она лежала на больничной койке.

Рядом с кроватью сидела мать. Глаза красные, лицо опухшее от слёз. Отец обнимал жену и старался держаться.

Глеб сидел рядом. Сыновья — здоровенные лбы — жались к отцу как перепуганные котята.

— Глеб...

На неё мгновенно уставились все присутствующие.

Мать перестала плакать.

Отец выдохнул.

Сыновья перестали трястись.

— Лидия, блин, ты нас всех напугала, — укорил супруг.

— А где... девушка?

— Какая девушка?

— Лукерья.

Все переглянулись.

— Да что случилось? — слезливо вопрошала Лида.

Глеб тяжело вздохнул.

— Тебе стало плохо через несколько часов после борща.

Жена напряглась.

— Борщ...

— Именно.

— А-а-а! Его все ели! Глеб, ведь остальные не пострадали?

— Успокойся, никто его не ел.

— Но я сама видела...

— Ты видела, как они тарелки взяли. Все молодцы — догадались вылить. Кто в кусты, я, например, за дерево, когда ты отвернулась.

— Почему? — глупо спросила Лидия.

— Потому что культурные люди.

— Я видела могилу — под той берёзой. Там девушка похоронена, Лукерья, — сбивчиво рассказывала Лидия. — Интересно, что она страшного совершила. Такая молодая. Она мне сказала, что убила кого-то. Как такое возможно?

Врач проверил пульс и кивнул.

— Острое пищевое отравление с выраженной интоксикацией и обезвоживанием. На фоне этого начались нарушения сознания. Поэтому могли быть галлюцинации.

Медсестра закончила с капельницей.

— Вам очень повезло, что помощь оказали быстро.

— Кузьмины, оказывается, врачи, — пояснил Глеб.

— А я думала, они странные, — удивилась жена.

— Они и есть странные. Просто ещё и врачи. Когда тебе стало плохо, Кузьмины сразу поняли, что дело серьёзное. Оказали первую помощь, и мы повезли тебя в больницу. Остальные отделались лёгким испугом. Ты была на грани, могли и не спасти. Врачи сказали, что дело в квашеной капусте.

— Разве квашеная капуста может убить?

— Как правило, нет. Но ты очень упорно к этому шла.

— А я видела камень, на котором было написано, что восемь человек отравились борщом...

— Тебе же сказали, — мягко увещевал отец, — галлюцинация это была. Как и Лукерья.

— Не, могила Лукерьи как раз-таки есть, — сын быстро нашёл информацию. — Возле того озера деревенька раньше стояла. Лукерья там жила, это ещё до революции случилось. Выдали её замуж за немолодого мужика, он её бил смертным боем. Она терпела, пока не влюбилась в одного парня. И вроде у них там что-то было. Она решила избавиться от мужа, как тогда было принято. Разводов ведь не существовало. Сварила чугунок борща, туда травку особую положила.

— Отравила? — ахнула Лидия.

— Там хуже всё получилось. На её беду к мужу пришли гости. Короче, восемь жмуров. Деревенские поняли, кто к этому причастен, отвели её в лес да и приладили петельку. Там же и прикопали. Было следствие — все сказали, мол, в лес ушла и не вернулась. Говорили, что красивой очень была. А ещё голос потрясающий — особенно любила петь «Во поле берёзонька стояла».

— Совпадение, — уверенно сказал Глеб.

Все сделали вид, что думают точно так же.

— Наверное, меня больше не возьмут с собой, — переживала Лидия.

— Почему? Просто твою готовку не рискнут попробовать. И я их понимаю.

— Да, Лидуся, — мать уже полностью пришла в себя, — я всегда тебе говорила, что борщ — это не твоё. У каждой женщины есть своё призвание. Главное — вовремя понять, что кулинария в него не входит.

— О чём задумалась, дочь? — заботливо спросил отец.

— А вдруг... Лукерья не собиралась никого травить. Может, и любовника никакого не было? А она просто не умела квасить капусту?

— Всё может быть, — мудро сказал Глеб. — Кто ж теперь скажет? Столько времени прошло...

Через несколько недель Лидия снова встала к плите. Никаких кулинарных роликов. Никаких сложных рецептов. Никакой квашеной капусты. Она сварила обычный куриный суп, пожарила котлеты и сделала картофельное пюре.

Глеб попробовал первым.

— Вот, — довольно сказал он. — Это ты умеешь.

Сыновья тоже пришли на ужин.

И попросили добавки.

— Ничего страшного, что наша мама не умеет готовить борщ, — утешил Глеб.

Он немного помолчал, ища плюсы.

— Зато вы никогда не скажете своим жёнам: «Когда ты наконец научишься варить борщ, как моя мама?»

— Папа, ты устарел, так уже не говорят, — отбрили современные сыновья.

Мать попробовала котлету и одобрительно кивнула.

— Я всегда говорила, что тебе не надо изобретать велосипед.

Лидия сияла. Наконец-то её оценили. Она посмотрела на мужа.

— Значит, я всё-таки умею готовить?

— Конечно. Просто давай больше не будем выяснять, насколько хорошо.

В семье воцарилась тёплая атмосфера. Все ели. Все были довольны.

Однажды Глеб увидел на полке холодильника позабытую банку с квашеной капустой, молча взял её, вышел во двор и закопал в землю.

Они собирались поехать на природу с первыми тёплыми весенними деньками. Друзья уже сообщили, что максимум, что доверят Лидии, — резать овощи.

Жена смиренно согласилась. Она извлекла урок.

Если после вашего фирменного блюда гости начинают исчезать в кустах, не спешите думать, что им понравилось.

РАЗБУДИТЬ ЛЮБЫМ ПУТЁМ

Глава 1

В отделе давно сложился негласный рейтинг степеней поехавшего кукухой. Возглавлял список Никодим. Коллеги пришли к единогласному выводу, что Никодим… немного тогось. Странный. Он переплюнул даже пухленькую Катерину, запоем читавшую любовные романы. Если тебе сорок пять, и у тебя в багаже двое детей, волосатый супруг и лишние сорок килограммов, пора относиться к сказкам о вечной любви несколько предвзято.

А дама не просто зачитывалась, а пропускала через себя розовые мечты полноватых дам.

— Катя, ну не бывает так, — рушил основы её мироздания циничный Глеб. Он глядел на книгу с усмешкой разочаровавшегося в жизни пресытившегося самца. На обложке мужчина в дорогом костюме в обнимку с миловидной девушкой с бейджиком на жилетке «Кассир Петрова» направлялся к порше.

— Нет, бывает, — возразила Катя. — Сколько случаев, когда состоятельный мужчина брал в жёны девушку из низов. Да хоть Леди Гамильтон взять. — Бывает. Один случай на миллиард, — соглашался Глеб, — Но! Девушка может быть из низов, но при этом должна обладать невероятной харизмой. У нас её «манкой» называют. Она с детства знает, что нравится мужикам, и да. Теоретически в юности сможет очаровать даже миллионера. — По твоему, женщины с невероятной харизмой идут в содержанки? — язвительно осведомилась последовательница Фрейда, некрасивая Ольга, у которой давно дёргался глаз от Глебовой философии. — Да. Природа экономна, всё и сразу не даёт. Посмотрите рейтинг богатейших женщин земли. Красавиц вы там не найдёте. Они вообще на мужиков похожи. — Да неужели? А мужики с невероятной харизмой становятся содержанами? — не лезла за словом в карман начитанная коллега. — Мужики с невероятной харизмой, Оля, становятся рок-певцами.

Никодим не принимал участие в споре. Он читал «Сказки без адаптации» с пометкой «Психику не восстанавливаем, кошмары не лечим».

Внезапно офисный романтик поднял глаза и тихо изрёк: — А я верю в любовь. Что любая женщина рано или поздно найдёт своего принца, даже не вставая с дивана.

— Что читаем? — саркастически осведомился Глеб. — «Спящая красавица?» Да тут всё понятно! Король говорил жене, что едет на соколиную охоту (один! В лес! Ага, верим), а сам в это время встречался в охотничьем домике с любовницей. После рождения бастардов король решил приблизить пассию к себе. Ясное дело, королеве это не понравилось, и она быстро нашла повод заключить соперницу под стражу. Пока она наслаждалась своей маленькой женской местью, упустила из виду самое главное: королевских бастардов, они нужны для продолжения династии. Бывшую королеву приговаривают к казни. Король женится на любовнице, и придумывается легенда о её, любовницы, королевском происхождении. «Чудесным образом спасшиеся» младенцы объявляются законными наследниками. Хэппи-энд.

— Так все знают эту историю. Злую ведьму забыли пригласить на крестины принцессы, она подсунула той веретено, бедняжка уколола палец, — начала Катя.

— Всё очень просто, — ринулась в спор Ольга. — Эта сказка о спящем либидо. Принц поцелуем разбудил либидо, а дальше понеслось. Сказки — это просто жестокая психотерапия для детей и взрослых, только без психотерапевтов, их тогда не придумали, и не более того.

— Но нельзя же так, — возмутилась романтичная Катя. — В жизни всегда есть место большой любви и истинным чувствам.

Она схватила подпрыгивающий телефон. — Да, пухлик. Посмотри в шкафу. Третья полка. Она там точно лежит. Руку протяни. Нашёл? Молодец. Пообедал? Борщ в зелёной кастрюльке, я стикер повесила «Борщ», котлеты — в контейнере с красной крышкой. Разобрался? Молодец. Горжусь тобой.

Коллеги галдели, как взбесившиеся гуси, каждый отстаивая именно свою точку зрения, стараясь уколоть сарказмом оппонента побольней.

Ольга во главу угла ставила «либидо», Глеб развенчивал сказки как судья, раздавший всем участникам максимальный срок за наивность, Никодим верил в сказки, а Катя — в любовь миллионера к кассирше.

И только Авдотья молчала.

Ей нравился Никодим. Сумрачный красавчик с отрешённым лицом. Отстранённость его походила на официальный протест против любых эмоций, которые могли бы нарушить священный порядок «не лезть в чужие чувства».

Она уже поняла, что заинтересовать своей особой сказочного мужчину не получится. Остаётся любоваться им издалека и надеяться на…

На что?

На чудо? Но чудеса, как справедливо заметил Глеб, случаются крайне редко и всегда с кем-то другим.

В ней не чувствовалось страсти (возможно, потому что её и не было особо). Она не женственна и не умеет флиртовать. И нет, она не закомплексованная девица, у неё есть внутренний стержень (только бы не ляпнуть вслух, Глеб и Ольга обязательно прокомментируют), уверенность в себе, ум и критическое мышление.

Только эти замечательные качества, как оказалось, не помогают в покорении сердца конкретного самца, зачитывающегося сказками.

— Авдотья, ты сегодня какая-то смурная, — мягко спросила Катя. — Случилось чего? Заболела? У меня парацетамол есть. — От разбитого сердца он не поможет, — ляпнула, не подумав, Авдотья, и тут же прикусила язык.

Поздно! Коллеги возбудились.

— Мужика тебе надо, Авдотья, — Глеб призывно заиграл редкими бровями. — А то совсем раскисла. Хочешь, познакомлю с сисадмином? Правда, он твой борщ будет вилкой тыкать и забывать мыться, но в остальном — норм мужик. — Что видишь во сне? Огурцы? Баклажаны? Кабачки? Снайперскую винтовку? — допрашивала Ольга. Авдотья сидела красная, как контейнер для котлет.

— Попробуй хобби, — посоветовала Катя, откладывая журнал для замужних женщин «Кудах». Восстанавливает психику, успокаивает, гонит грустные мысли.

А ведь и правда! У неё никогда не было хобби. Что ж. Самое время. С чего начать?

— Мне очень помогает вышивать крестиком. Раньше хотелось убить мужа и накричать на детей, а теперь я отношусь ко всему философски. Вот, закончила картину — вышила точную копию в натуральный размер «Битва при Ватерлоо». Скоро возьмусь за более сложную работу, — Катя протянула телефон коллегам.

Глеб глянул первым. Угукнул. Потом ещё раз угукнул, уже с уважением. Ольга сделала вид, что осматривает потолок, будто только что увидела там что-то интересное.

Никодим молча кивнул.

Авдотья поблагодарила за хорошую идею.

Рабочий день закончился.

Рабыня любви шла домой, прикидывая, где взять материал для хобби. Что за хобби-то вообще? Вышивать? Она в школе на трудах последний раз иголку держала, и то затем, чтобы пришить пуговицу, а пришила её к пальцу. Учительница тогда сказала: «Авдотья, ты не руками,

ты головой должна работать». Головой она и работала. Всю жизнь. И где теперь эта голова? Думает о Никодиме, который думает о Спящей красавице.

На улицах было безлюдно. Плохая погода и поздний вечер разогнали всех по домам.

Возле остановки маялась бабушка. Рядом с ней сидел огромный чёрный кот.

Авдотья подошла ближе — и почему-то поёжилась. Бабушка выглядела очень старой: сгорбленная, в тёмном платке, руки сухие, как ветки. Но глаза… глаза были слишком молодые. И очень цепкие.

Кот тоже смотрел на Авдотью. Не моргая. Он был такой чёрный, что казалось — свет фонаря в него просто проваливается. И глаза у него были жёлтые, тигриные.

Авдотья вгляделась. Бабушка продавала всякую всячину, и девушку захлестнуло чувство жалости. Пенсия маленькая, вот бедняга и распродаёт последнее, чтобы купить еды себе и коту. Понятно, что старушка гордая и подаяние не возьмёт. Значит, надо что-нибудь купить. И выбросить в ближайшую мусорку.

— Выбирай, внучка, — оживилась старушка. Голос у неё оказался неожиданно крепкий. И слишком радостный.

Авдотья стала перебирать барахло. Старые пуговицы, катушки ниток, сломанные броши, какие-то странные железки. Кот тем временем тихо поднялся и обошёл её по кругу, будто проверяя. И снова сел рядом со старухой.

Взгляд Авдотьи вдруг зацепился за длинную иглу. Нет — не иглу. Иглы ведь не делают из дерева.

Предмет был острым. Слишком острым для деревяшки.

— Веретено тебе моё понравилось? — спросила старушка.

Кот тихо мяукнул. Не жалобно. Скорее… радостно.

Авдотья кивнула.

— А оно зачем? — Для рукоделия — первая вещь.

Кот не сводил глаз с её рук.

— Бери, девонька. Не пожалеешь, — уговаривала бабушка.

Авдотья взяла веретено. Почему-то держать в руках его было неприятно.

— Сколько с меня? — А сколько дашь, милая.

Авдотья полезла в сумочку за кошельком, а когда подняла голову — ни старухи, ни барахла, ни кота уже не было. Только пустая остановка, мокрый асфальт и тусклый фонарь. И веретено в её руке.

И почему-то ей вдруг показалось, что в темноте на секунду вспыхнули два жёлтых огонька. Как глаза.

Глава 2

Утро у замужних женщин начинается примерно одинаково. По крайней мере, Катерина была в этом уверена.

Сегодня у Пухлика выходной, а значит — надо приготовить ему еды на весь день. Подписать продукты, накормить завтраком детей, убрать лоток, помыть пол, а потом можно и на работу.

С подоконника на будни добровольной Золушки презрительно смотрел Лапуль. Огромный рыжий кот не любил никого, кроме себя. Остальным существам в квартире милостиво разрешалось испытывать благоговейный восторг.

Если его величество пребывало в хорошем настроении — подданным иногда позволялось прикоснуться к шерстке. В плохом — что происходило примерно двадцать три часа в сутки — восхищаться следовало издалека, желательно молча и с уважением.

Катерина сварила коту говядину. Потому что его светлость признавал из еды только её, да и то с выражением, будто делает хозяйке одолжение.

После этого заботливая мать разбудила близнецов — пятнадцатилетнюю дочь и сына — и начала собираться на работу.

В этот момент из спальни материализовался супруг. — Милая, я проснулся, — возвестил муж, будто объявлял восход солнца.

— Ты меня сегодня кормить планируешь? — кротко вопросил, почёсывая брюшко.

— Сейчас сырники поджарю, — пообещала Катерина. — Дети, пожалуйста, уберите комнату к моему приходу.

Мать они любили, но почему-то в грош не ставили. «Возраст такой», — привычно уговаривала себя Катерина, как человек, который каждый день гладит крокодила и надеется, что он когда-нибудь станет ласковым.

Тем временем Лапуль провёл инспекцию миски, убедился, что говядина никуда не убежит, и величественно взгромоздился на стол, лениво обнюхивая тесто для сырников.

И был остановлен воплем Катерины. — Кыш, — неуверенно рявкнула женщина.

Лапуль медленно выпустил когти — тонко, с намёком, смерил дерзкую хозяйку холодным взглядом, демонстративно откусил кусок теста — просто чтобы показать, кто здесь власть, — и удалился спать.

— Что-то я себя неважно чувствую, — гундел супруг. — Горло першит, наверно вчера на работе простудился. — Сильно болит? — всполошилась Катерина. — Сейчас травку заварю. — Грипп, наверно, — трагически предположил глава семьи, наблюдая за тарелкой.

Супруг привычно ждал, когда жена наложит еду.

— Ты кормить меня собираешься? — деликатно напомнил страдалец.

Катя положила в тарелку сырники.

— А с чем они? — капризничал болящий. — Сметана есть. Будешь? — Не хочу. Ещё что? — Варенье клубничное, — перечисляла Катя. — Надоело. Сгущёнкой полей сверху. — Закончилась, — виновато потупилась жена. — Ну как так-то, Катя? — мягко укорил муж. — Ладно, пусть будет сметана.

За стол плюхнулись дети и с энтузиазмом приступили к уничтожению еды — быстро, эффективно и без лишних эмоций, как стая саранчи.

— Ты мне травку обещала заварить, — напомнил супруг. — Сделай на весь день. — Конечно, сейчас найду ромашку, первое дело при простуде. Дети, у вас в комнате такой беспорядок. Вы же обещали убрать ещё на прошлой неделе! — Обещали — сделаем, — синхронно ответили подростки, глядя в телефоны.

За ромашкой пришлось бежать в аптеку. Затем Катя подписала контейнеры: «Папе — на 14:00», «Детям — перекус 16:30», «Лапулю — если вдруг проснётся и решит, что голоден», и помчалась в офис.

На работу она опоздала. Начальство давно привыкло, но справедливо требовало оставаться после рабочего дня, что Катерина неукоснительно выполняла.

Она явилась в разгар очередной склоки.

Глеб работал и попутно ел огромный банан, а Ольга, сидевшая напротив, наблюдала за процессом с выражением, которое обычно предшествует фразе «а теперь давайте разберём ваши детские травмы».

Наконец она не выдержала (а кто бы выдержал).

— Ты понимаешь, что банан — это классический фаллический символ? Продолговатый, изогнутый, с мягкой сердцевиной внутри, снаружи твёрдый и упругий. Ты его чистишь, как будто раздеваешь. А потом… — она сделала многозначительную паузу, — употребляешь. Медленно. С наслаждением.

— Оля, это просто банан. Жёлтый. Сладкий. Хочешь — тоже почищу тебе один? Только не ной потом, что я тебя соблазнил агрессивной фруктовой символикой, — уколол сарказмом Глеб.

— Я не ем бананы, — отрезала Ольга. — Они слишком… очевидны.

— Катя, ты опять опоздала. Тебе нравится после работы оставаться?

— Бегала в аптеку Пухлику за травкой, потом всех кормила сырниками, Лапулю свежее варила, — перечисляла кухонная рабыня.

— Погоди. То есть ты встала в шесть, накормила кота говядиной, детей — сырниками, мужа — иллюзией собственной значимости, и считаешь это нормальным? Слава Богу, я не замужем, — порадовалась за себя Ольга.

Катя кивнула, как будто по-другому и быть не могло.

— Ну да. А то он опять скажет, что у него «горло першит» и «всё болит», и будет смотреть на меня глазами побитого щенка, пока я не начну его жалеть.

Ольга повернулась к Кате с видом эксперта.

— Катя, это созависимость чистой воды. Ты кормишь его эго. Прекращай немедленно! Давно хотела сказать, что ты не просто так лишние килограммы набрала. Ты стресс заедаешь.

— Нет у меня никакого стресса! Я счастлива, — разрыдалась Катя и побежала плакать в туалет.

За ней пошла жалостливая Авдотья.

— Оля, ну нельзя же так. Прямо, — укорил Никодим.

— Оля ещё очень мягко, — в кои-то веки согласился с коллегой Глеб.

Вернувшаяся Авдотья постаралась сосредоточиться на работе.

И не смогла.

Что-то не давало ей покоя. Какая-то мысль… Ах да.

Она вытащила веретено, которое со вчерашнего вечера так и лежало в сумке.

Теперь оно казалось живым, пульсирующим, с узорами, которые шевелились на краешке зрения, как змеи из теней. Она ощутила шепот без слов: «Уколись» и послушно протянула палец…

Над ухом раздался въедливый голос Ольги.

— Это же потрясающе! Веретено — крайне насыщенный символический объект! В фрейдистской интерпретации…

И тут Никодим всех удивил.

С несвойственной ему прытью подскочил к девушке и выхватил деревяшку.

— Где ты его взяла?

— У бабушки купила возле остановки. А что? То есть не совсем купила. Она мне подарила практически.

— Выброси немедленно! Такие вещи не дарят случайные старухи у остановок, — строго сказал Глеб.

— Ну всё. Сейчас начнётся славянская мистика, — хихикнул Глеб.

И Никодим не подвёл.

— Это древняя вещь, из тех сказок, где нет хэппи-энда. Оно прядёт нити судеб, переплетает жизни, как паутину. Однажды уколешься — и твоя душа застрянет в нити, сплетённой с чужими. Поэтому в сказках оно всегда предмет недоброй силы. Прошу тебя, избавься от него. Нет, лучше я сам. Можно, я его выброшу?

Авдотья молча кивнула.

В глазах Никодима промелькнуло что-то такое… Что позволяло надеяться, что хобби ей не понадобится. Интерес, искренняя тревога за неё и даже… Неужели она ему не безразлична?

Веретено отправилось в мусорное ведро, стоящее в коридоре.

Откуда его благополучно извлекла заплаканная Катерина, которая при беседе не присутствовала.

В отличие от Авдотьи, она не собиралась бросать вышивание крестиком. Наоборот, в планах — вышить масштабных полотен. И начнёт, пожалуй, с картины «Спящая красавица».

Глава 3

Катерина вбежала в квартиру с чётким планом на вечер: накормить мужа, накормить кота, погладить кота, поговорить с детьми, накормить детей, лечь спать.

Но реальность, как всегда, плюнула в суп.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.